

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л22

Разработка серийного оформления
Сергея Курбатова

Художник *Павел Ильин*

Ланцов, Михаил.

Л22 Маршал Сталина / Михаил Ланцов. — Москва :
Эксмо : Яуза, 2019. — 736 с.

ISBN 978-5-04-101733-0

Проклятый 1993 год. Старый маршал Советского Союза умирает в опале и в отчаянии от собственного бессилия — дело всей его жизни предано и растоптано врагами народа, его Отечество разграблено и фактически оккупировано новыми власовцами, иуды сидят в Кремле... Но в награду за службу Родине судьба дарит ветерану еще один шанс, возродив его в сталинском СССР. Завладев сознанием обреченного маршала Тухачевского, «попаданец» не просто избегает расстрела, а становится правой рукой Вождя.

Удастся ли ему предотвратить катастрофу 1941 года? Сможет ли СССР не только разгромить Гитлера, но и принести возмездие тем, кто натравил «бесноватого фюрера» на Россию? Где закончится Освободительный поход Красной Армии — в Берлине или Лондоне и Вашингтоне? Станет ли маршал Тухачевский Маршалом Победы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101733-0

© Ланцов М.А., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

**МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

Предисловие от автора

Перед тем как вы приступите к чтению, я хотел бы пояснить некоторые моменты в книге, дабы они не вызывали ненужных вопросов и недоумения.

Так сложилось, что я считаю, что в реальной (а не сказочной) истории совершалось и совершается очень много ошибок всеми участниками исторического процесса. Именно ошибок, а не вынужденных шагов, продиктованных объективными обстоятельствами. И далеко не все из них можно было осознать на том уровне развития науки с техникой и при том угле рассмотрения, что имел место. По этой причине я решительный противник довольно популярной в наши дни концепции «непогрешимых» предков, согласно которой они, дескать, были безмерно мудры и никогда не ошибались, всегда решая задачи самым оптимальным образом. Это не так. Они были обычными людьми, такими же, как и мы с вами. А мы ведь с вами далеки от непогрешимости, не так ли?

Конечно, иногда очень хочется героизировать их, дабы создать некий образ «Святой Руси», пусть даже и в советском варианте. Такой подход понятен и объясним. В наши дни «Славным Отечеством» нашу с вами современную Родину назвать сложно, да и поистине великих достижений, вроде того же выхода в космос, мы с вами не совершаем. А потому естественно, что нас всех тянет взглянуть в былые дни, дабы найти там хоть что-то, что будет греть наши души и сердца. Но одно дело найти, а другое дело выдумать, а потом возвести эти фантазии в некий апокрифический образ для слепой веры и поклонения. Это будет неправильно. Еще более неправильно, нежели просто проявлять невежество, которое, как чистый лист, может быть заполнено знаниями. Ведь невежество — это ребенок, который может вырасти и поумнеть, в отличие от веры, которая есть

завершенная книга, не впускающая на свои страницы ничего, кроме того, что уже написано там.

Альтернативная история как жанр фантастики позволяет нам оценить события под другим углом и постараться понять, почему была совершена та или иная ошибка. Более объективно, трезво и не предвзято. Если, конечно, при этом не опираться на идеологические штампы и костыли, а цинично и безжалостно анализировать события скальпелем сознания. То есть сделать работу над ошибками, дабы в будущем правильно оценивать как свои решения, так и происходящие вокруг события. Ведь ничего не происходит внезапно. Многие процессы уходят далеко в прошлое, начинаясь совсем не вчера и даже не позавчера. Я считаю, что, пока не будут выучены уроки прошлого, мы никогда не сможем шагнуть в будущее. Сколько бы лет ни прошло. Ибо не будет качественного изменения ситуации — «разруха не в клозетах, разруха в головах». А проблемы, не разрешенные и не осознанные своевременно, будут довлеть над нами неподъемной ношей, накапливаясь с каждым годом во все более внушительный груз.

Этот роман — моя скромная попытка в развлекательной форме высветить проблемы, которые имелись в СССР в предвоенные и военные годы, и показать свой вариант их решения.

И отдельно я хочу принести сердечную благодарность коллективу ресурса «В Вихрях Времени», которые очень серьезно помогли мне в написании этой книги. Без них мой путь был бы много более тернист и сложен.

ПРОЛОГ

*25 декабря 1993 года. Российская Федерация.
Московская область. Дача Николая Васильевича
Агаркова¹*

Сильно потертый жизнью старик сидел на небольшом диване и вдумчиво, не спеша пил водку. Ему уже некуда было спешить. Жизнь прошла. Мечта растоптана. А планета так и не перевернулась, флегматично вращаясь вокруг своей оси. Все шло своим чередом, абсолютно наплевав на переживания и чаяния одного, пусть и заслуженного, человека.

Почти полвека его жизнь напоминала бег внутри гигантского, бешено вращающегося колеса. Сначала, едва минуло полугодное деревенское детство, — рабфак, военное училище, академия. Потом — война. Она длилась, казалось, вечно, даже после того, как стихли последние залпы в Берлине. Она вошла в его плоть и кровь как судьба, всегда была рядом: таилась, как вор, за ближайшей подворотней, дышала в затылок на соседней беговой дорожке, смотрела в глаза, как соперник на ринге. И нужно было не дать ей прокрасться в дом, опередить — на волосок, на полшага, на шаг и ни в коем случае не дрогнуть самому. Человек задыхался от непосильного темпа, сердце колотилось, казалось, у самого горла, пот заливал глаза, но был счастлив: у него было большое дело и великая страна, ради которых можно отдать всё.

Сначала у него отобрали дело. И не в честном поединке — в грязных подковёрных играх. Он стерпел, ведь оставалась стра-

---

¹ Агарков Николай Васильевич — выдуманный персонаж, прототипом которому послужил один из самых выдающихся советских офицеров, доживших до трагедии 1991 и 1993 годов, — Николай Васильевич Огарков. Образ изменен и дополнен, а потому все совпадения случайны.

на, которая продолжала идти вперёд. Приучал себя к новому режиму: днём полоть грядки или убирать снег с дорожек, вечером писать мемуары и наблюдать за жизнью страны хотя бы с обочины — через экран телевизора и газетные строчки. Но едва лишь сумел приспособиться к размеренной жизни пенсионера, получил новый удар — у него украли страну. Так же подло, из-за угла. Жизнь потеряла остатки смысла, но человек продолжал упорно бороться с судьбой. И зубами цеплялся за последний рубеж обороны — память о былом величии и призрачную надежду донести её поколениям внуков и правнуков. Но те, кто украл великую страну, продолжали методично убивать и надежду. Его воспоминания оставались лежать мёртвым грузом в ящике письменного стола, а с газетных строчек и экранов сочилась, нет — хлестала мутная вонючая жижа лжи.

На выдавшем виды журнальном столике лежало несколько публикаций, поливающих грязью всех деятелей Советского Союза «старой» школы. Особенно доставалось Сталину и Берии как символам ушедшей эпохи. Тошнотворные, ужасающие материалы. Они были лишены всякой логики и хотя бы какой-нибудь достоверности. Но из-за того, что все было написано очень эмоционально и пафосно, с чрезвычайным нагнетанием красок и отсутствием какой-либо альтернативы этому потоку лжи, оказалось сложно устоять перед напором талантливого оратора. И если бы Николай Васильевич не был живым очевидцем тех событий, то мог бы и поверить. Однако теперь эффект получился обратный — старый маршал не на шутку разозлился, покрывшись красными пятнами. Добила же Агаркова бравурно написанная статья о гениальном полководце Михаиле Николаевиче Тухачевском, «несправедливо» казненном сталинскими «людоедами». Этого он уже выдерживать не мог, а потому пошел на улицу — погулять и проветриться, а заодно спустить поднакопившийся за утро пар.

Во входную дверь энергично постучали.

— Эй, Василич! Ты дома? Гостей принимаешь? — раздался с крыльца знакомый голос. Николаю Васильевичу пришлось, брезгливо бросив на стол разозлившие его публикации, встать и идти открывать дверь гостю.

— Иду.

— Как здоровье, Василич? — уже войдя в дом, спросил Иван Петрович Иванов — старый знакомый и сосед Николая Васильевича. Такой же старик, как и он сам, прошедший через огни и воды и выброшенный на обочину уже во времена «торжества

истинной демократии». В прежние времена и он носил мундир с лампасами и «беспорядочными» погонами, теперь — тоже влачил жизнь всеми забытого отставника.

— Какое здоровье в наши годы, Петрович? — улыбнувшись, ответил Агарков. — Не желаешь? — кивнул он на початую бутылку.

— Даже не знаю, — помялся старый знакомый, — тяжело как-то. Вон как от погоды выворачивает, потепление. Совершенно весь расклеился.

— Да я что-то тоже, — грустно сказал Николай Васильевич. — Но на душе очень погано, вот и решил немного подлечиться.

— Так ты после вчерашнего? — сочувственно произнес Петрович.

— Как ни странно, нет.

— Тогда от чего? Что случилось?

— Умирать мне пора, Петрович, вот и грущу.

— Как так? — удивился старый приятель. — Ты ли это?

— Я... Представь, каково мне на старости лет вот такую мерзость читать, — кивнул он на стол, где беспорядочно валялись журнальчики.

— А... — затанул ухмыльнувшийся Петрович, — так ты об этом. А я уж, грешным делом, подумал, что наш бравый маршал смерти испугался.

— Смерти? — Николай Васильевич улыбнулся. — Если бы только можно было с ней договориться, чтобы всю эту мерзость исправить. Если бы только можно... — покачал он головой. — Кто же знал?

— Василеч, что с тобой? Неужели эти каракули мерзопакостные тебя так расстроили? — взволнованно спросил Петрович.

— Нет, что ты. Это так... мусор, — сказал Николай Васильевич и поиграл желваками. — Мне больно и тошно сейчас жить. Понимаешь?

— Все переживаешь из-за Советского Союза? Не перего-рел? — спокойно и внимательно спросил резко подобранный Петрович, превратившийся в несколько мгновений из старика в старого солдата с цепким и тяжелым взглядом.

— И никогда не перегорю, — ответил мгновенно протрезвевший и ставший таким же старым солдатом Николай Васильевич. — Я никогда этого не прошу ни себе, ни им... Никогда.

— Остынь. Что сделано, то сделано. Нам с тобой поздно братья за оружие. — Петрович взял Агаркова за плечо. — Наша

война закончилась. — Так они и стояли минуту, смотря друг другу в глаза.

— Нет, — наконец покачал головой Агарков, — она закончится только с нашей смертью. Она вот тут, — постучал он себя по груди. — Вот тут. И как мне жить после того, что произошло в девяносто первом? И в девяносто третьем? — Он сел на диван, нахмурился, а потом выдал на русском командном языке все, что он думает о политике пробравшихся во власть авантюристов и предателей. Грубый и цветистый мат старого солдата минут десять лился нескончаемой рекой, превращаясь в своеобразную исповедь, безжалостно дерущую по живому все, что прикрывалось ширмой стеснения и приличия.

— Василич, пойду я, пожалуй, — сказал сильно расстроившийся Петрович. — Слишком больно ты говоришь.

— Что на душе, то и говорю... — пробурчал Агарков. — Надоело оправдываться. Тошно... безумно тошно. Не в моем возрасте политесы разводите.

— Зря ты так. И тебе и мне нужен покой. Зачем умирать с такой злобой внутри? Не страшно?

— Мне? — Агарков повернулся и посмотрел в глаза своему старому приятелю, от чего тот вздрогнул. Никогда в своей жизни Петрович не видел столько боли, страдания и злобы в одном взгляде.... Никогда. — Нет. Мне просто обидно, что даже душу продать некому, чтобы избавить свою Родину от этого позора....

Петрович ушел молча, а Николай Васильевич, выпив стакан водки для успокоения нервов, лег спать. Слишком уж он разволновался.

Агарков умер утром следующего дня — 26 декабря 1993 года. Нервы, водка и плохая погода оказались непосильным сочетанием для изношенного сердца. Николай Васильевич ушел во сне, но переполняющие все его естество эмоции не дали его душе упокоиться с миром. Настоящий солдат никогда не возвращается с войны, даже если кто-то умудрился договориться о перемирии и прямо сейчас не стреляют. Война всегда с ним — в его душе. Николай Васильевич ошибся только в одном — солдаты не уходят с войны даже после своей смерти. Они не желают покоя и мира. Никогда не успокаиваются. И Вселенная иногда идет навстречу таким душам, давая им второй шанс. Пусть даже и в несколько извращенной форме.

ЧАСТЬ 1

«Смерть — это только начало»

Свой среди чужих, чужой среди своих...

ГЛАВА 1

*21 ноября 1935 года. Москва. Дом на набережной.
Квартира Тухачевского*

— Михаил Николаевич уже спит. Он очень устал. У вас что-то срочное? — как сквозь туман донеслось до Агаркова.

— Нет, нет, мы, пожалуй, зайдем завтра. Будить не нужно, пускай отдыхает, — произнесли смутно знакомые голоса, после чего послышались шаги и звуки закрываемой двери.

Николай Васильевич резко и глубоко вздохнул, выгибаясь всем телом, и открыл глаза.

В комнате было прохладно, свежо и темно. Он огляделся. Из-за плотно занавешенных окон в помещении стоял густой мрак, из которого зрение выхватывало лишь отдельные фрагменты обстановки. Комната была совершенно незнакома, как и запахи. С улицы доносились звуки дождя и... автомобилей, движущихся по асфальтированной дороге.

«Что за чертовщина?» — подумал старый маршал и, решительно встав с дивана, пошел к выключателю. «Стоп. Откуда я знаю, что выключатель здесь? — пронеслась в его голове острая мысль. — Я же эту комнату вижу в первый раз... или не в первый?» — Но он все же решил проверить и привычным движением руки протянулся к небольшой эбонитовой коробочке с рычажком, прикрученной к стенке. Щелкнул переключателем. Загорелся несколько тусклый электрический свет, освещающий окружающую его тьму. «Странные обои», — вновь пронеслась мысль в голове у Николая Васильевича.

— Дорогой, ты уже проснулся? — раздался женский голос из-за двери. Он вызывал приятные эмоции и чувство какой-то близости. Николай Васильевич попытался сообразить, где он и что вообще происходит... — Дорогой, ты меня слышишь?

— Да. Я еще полежу немного, — ответил Агарков, пытаясь потянуть время и осмотреться. Каждая секунда была на счету, по крайней мере, чувство опасности просто раздирало Николая Васильевича противоречивыми эмоциями. Но разобраться с ситуацией ему не дали. Дверь открылась, и в комнату вошла миниатюрная женщина с черными волосами и живыми глазами. — Нина, — не то спросил, не то заявил Николай Васильевич. Для него эта женщина была чужой, однако смутные чувства и эмоции накатывали из глубины сознания. Нет, он ее не любил, но...

— Миша, что с тобой? — запрочитала эта незнакомая женщина. — На тебе лица нет. Тебе плохо?

— Нет, что ты, — сказал Агарков, понимая, что у него на лбу выступил холодный пот, а голова кружится. В голове поднимался дикий вихрь незнакомых мыслей, чужих воспоминаний... Чужих?! Николай Васильевич замотал головой, сделал несколько шагов вперед, аккуратно подвинув с прохода эту знакомую незнакомку. Вышел в коридор. Сделал шаг. Взглянул в зеркало и, увидев там отражение надменного и холеного лица азартного авантюриста и властолюбца, одновременно чуждое и ненавистное и в то же время — обыденно-знакомое, постоял, покачиваясь, несколько секунд с выражением искреннего, неподдельного ужаса. А затем мутный вихрь в голове рывком поднялся выше и накрыл сознание. Николай Васильевич — или уже Михаил Николаевич — рухнул на пол.

ИНТЕРЛЮДИЯ

— Что с ним? — щебетал знакомый голос незнакомки, едва прорывающийся сквозь толщу потока информации и эмоций, который крутился вихрем вокруг сознания Николая Васильевича.

— Ничего страшного. Нина Евгеньевна, не переживайте вы так. С ним все нормально. Просто высокая температура. По всей видимости, Михаил Николаевич где-то простудился, вот и плохо стало. Пускай полежит немного. Думаю, поутру придет в себя, а там уж и меня вызывайте.

ГЛАВА 2

*26 ноября 1935 года. Москва. Кремль.
Кабинет Сталина*

— Врачи говорят, что Михаил Николаевич уже идет на поправку.

— И чем вызвано плохое самочувствие товарища Тухачевского? — задумчиво пыхтя трубкой, спросил товарищ Сталин.

— Врачи разводят руками. Внезапное повышение температуры. Холодный пот. Потеря сознания. В течение первых суток была дважды зафиксирована остановка сердца. Кратковременная. Но при этом никакой инфекции не обнаружено, следов алкоголя или отравления тоже. Михаил Николаевич смог очнуться только несколько часов назад и пока еще очень слаб. Плохо узнает людей. По заявлению Нины Евгеньевны, он совершенно переменялся характером. Стал спокоен. Вдумчив. Молчалив.

— Когда товарищ Тухачевский поправится?

— Медики очень осторожны в прогнозах, товарищ Сталин. Впрочем, если Михаил Николаевич будет чувствовать себя хорошо, его могут выписать через три-четыре дня. Но не раньше, поскольку опасаются рецидива.

— Хорошо, вы можете идти, — кивнул Иосиф Виссарионович и продолжил свое чтение.

ГЛАВА 3

*28 ноября 1935 года. Москва. Отдельная палата
одной из московских больниц. Раннее утро*

Агарков лежал на своей койке и рассматривал чисто выбеленный потолок. Думал и тихо паниковал, стараясь не показывать вида.

Прошла неделя с того момента, как он очнулся здесь. Поначалу ему показалось, будто бы он попал в ад и над ним решили посмеяться — поместив в тело того, кого он презирал. Причем не просто так, а за полтора года до расстрела. Тонкий юмор, только очень черный и циничный. «Кому же это я так дорожку перешел?» Но ответа не было, сколько Агарков ни пытался его найти. В Бога он не верил, а больше вроде и некому так шутить.